

ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ КАК ИНОСТРАННЫХ

УДК 811.161.2'373.7'243:37.016-057.87

© В. В. Денисюк

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ФРАЗЕОКОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое словосочетание, семантика, украинский язык, диахрония, мотивация.

Keywords: phraseologism, stable combinations, semantics, Ukrainian, diachrony, motivation.

Рассматривается диахронический аспект формирования фразеологической компетенции у студентов, для которых украинский язык является иностранным, на примере фразеологизма *біла голова*. Судьба фразеологизма в украинском языке обозначена семантическими изменениями – от реализации общего значения «женщина» до полной его потери. Основной становится функциональная сема 'цвет волос', что приводит к развитию двух новых значений: 'человек пожилого возраста' и 'человек, который перенес большие переживания / страдания'.

The article focuses on the diachronic aspect of developing phraseological competence with students, whose mother tongue is other than Ukrainian, by viewing it with the Ukrainian phraseological unit *біла голова* provided as an example. The life of the mentioned phraseological unit in the Ukrainian language has been subject to semantic changes, from implemented general sense of 'a woman' to its entire loss. The functional seme relating to the colour of hair becomes central to further result in the development of the two other senses, where one denotes 'an elderly person', and the other denotes 'a person who has endured a lot of worries and /or suffering'.

Изучение иностранного языка непосредственно связано с освоением иноязычной культуры, которая предусматривает не только изучение определенного объема культурологических знаний, но и формирование способности и готовности понимать и принимать культуру носителей языка. Важным является изучение иностранного языка как феномена национальной культуры через осознание различий менталитетов народов – создателей этих языков. Это способствует решению многих проблем межкультурной

коммуникации. Очень важно, что при этом обеспечивается самосознание студента как поликультурной и многоязычной личности.

В языкознании и лингвокультурологии устоялось мнение о том, что фразеологический уровень языка наиболее прозрачный для воплощения средствами языка концептов «языка культуры», поскольку в образной основе фразеологизмов воспроизводятся характерологические черты мировоззрения, которые носители языка рефлексивно соотносят с этим «языком». В то же время усвоение фразеологического пласта языка с учетом его лингвострановедческого потенциала является, с одной стороны, чрезвычайно эффективным и интересным, а с другой – создает ряд проблем методологического характера, поскольку требует поэтапного включения в дидактический процесс широкого массива разноуровневых и разноаспектных страноведческих и лингвистических знаний.

Привлечение фразеологического материала к изучению иностранного языка с целью формирования коммуникативной компетенции требует осознания механизмов сохранения и трансляции культурных кодов фразеологическими единицами, а также навыков выявлять, расшифровывать, комментировать культурную информацию, заложенную во фразеологизме. Зачастую студенты не перегружают себя «лишней» информацией о фразеологизме, поэтому их знания в большинстве случаев ограничиваются лишь той информацией, которую они извлекли из словарей или справочников, и как люди XXI века, они воспринимают синхроническое, то есть современное им, значение. То, что основой синхронической семантики в большинстве случаев является факт истории, к сожалению, не учитывается. С таким «механизмом» изучения фразеологии трудно согласиться, но пока это общепринятый факт. Ведь не всегда представленная в словарной статье информация учитывает разные гипотезы, в частности анализ фразеологизма с точки зрения этнолингвистики. Такое направление обозначил В. М. Мокиенко более 40 лет назад, но только в конце XX – в начале XXI в. оно стало общепринятым. В. П. Фелицына и В. М. Мокиенко в предисловии к словарю «Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь» (1990) отмечают, что фразеологизмы имеют тройную страноведческую ценность: во-первых, они отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно; во-вторых, расчлененно, то есть лексическим составом; в-третьих, своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали обычаи, традиции, особенности быта и культуры [2, с. 8–9]. Таким образом, для правильного понимания семантики фразеологизма нам приходится с головой окунаться в века.

Как пример приведем фразеологизм *біла голова*, которого не фиксируют современные украинские фразеологические словари, хотя в разговорной речи его можно часто услышать. Вопрос только: с каким значением? Может быть, это свободное словосочетание, имеющее метафорическую подоснову, но еще не стало устойчивым? Если это фразеологизм, то имеет ли он хоть какую-то связь с функционировавшим в украинском языке в XVI–XVIII вв. устойчивым словосочетанием? Сразу же заметим, что в современной украинской

разговорной речи словосочетание *біла голова*, мотивированное цветом волос, используется для обозначения человека пожилого возраста или который перенес большие страдания, напр.: *О, від чого це ти став білою головою?* (из разговора); *І куди ця біла голова суне* (из разговора). В украинском языке функционирует группа фразеологизмов для обозначения человека в разные годы его жизни. Среди них есть и те, которые для номинации используют лексему с «цветовой» семантикой, напр.: *до сивого (білого) волосу (волоса, волосся)* ‘до старости’ (ФСУМ, с. 144–145). Таким образом, в представленных фразеологизмах – и *біла голова*, и *до сивого (білого) волосся* – акцент делается на возрастной характеристике без полового разграничения.

Но обратимся к истории. В «Словаре украинского языка XVI – первой половины XVII в.» фразеологизм *бѣлая голова* зарегистрирован со значением ‘женщина’, сделано указание, что это заимствование из старопольского *białogłowa* (СУМ 16–17, 4, с. 253), и проиллюстрировано тремя контекстами. В этом же лексикографическом труде кодифицированы также композиты *бѣлоглова* ‘женщина’, *бѣлоголовский*, *белоголовский*, *белоголовський*, *бѣлоголовский* ‘(касающийся женского пола) женский’, *бѣлоголовь* ‘прилагательное в значении существительного’ (СУМ 16–17, 3, с. 147–148). По данным исторического словаря польского языка XVI в., словосочетание *biała głowa* функционировало для номинации женщины (SP 16, 7, с. 422).

Как свидетельствуют данные Картотеки «Словаря украинского языка XVI – первой половины XVII вв.», фразеологизм *бѣлая голова* для номинации женщины в украинском языке указанного периода был активно употребляемым, напр.: *Была тежъ там старостинаа Кременецкаа з дивками своими и иныхъ сила билыхъ голѣв; мѣзчизнѣ никого не было, толко княз Ярослав* (б. м. н., 1564, AS VI, с. 245 // Картотека); *та(м) пѣ(т) светко(в) мужчизнѣ а две бѣлы(х) голо(в) слышали о(т) тоє де(в)чины жидо(в)ское* (Володимир, 1567, ЦДІАК 28, 1, 2, с. 59 // Картотека); *кнѣ(з) рома(н) небѣдѣчи бѣлою головою але мѣже(м) му(д)ры(м) вырозѣме(в)ши таковѣю омы(л)нѣю злѣю справѣ его вери(т) емѣ нехоте(л) и зо(м)ною мл(с)не брате(р)ски ме(ш)ка(л)* (Ковель, 1574, ЖКК II, с. 279 // Картотека); *... приехалиемъ ... зѣ дому своего, ... зоставивши ... въ немѣ братанку мою ... зыншими панѣнами служебными и зѣ бѣлыми головами, въ покою и во вшелякомѣ безпеченстве* (Луцьк, 1586, АрхЮЗР, 1/І, с. 223–224 // Картотека); *а то тые суть, которые ся зѣ мужатками лучатѣ, албо сами, жоны маючи, з ынѣшими ся кладутѣ, и што такѣ мужѣчизна, яко и бѣлая голова, однаково мають быти караны* (Луцьк, 1596, АрхЮЗР, 8/ІІІ, с. 475 // Картотека); *... пафноутѣй в листѣхъ до крѣвныхъ бѣлыхъ головѣ и до дво(х) поповѣ до грецьи писаныхъ, вспомноулѣ его же сѣ з нимѣ видѣлѣ* (Острог, 1598–1599, Фил. Апокр., с. 89 зв. // Картотека); *што то є(ст) за невѣста: бѣлаа голова єсть барзо надобнаа барзо ѣтиванаа барзо чистаа барзо добраа барзо богатаа найлихшаа* (XVI ст., Розм., с. 48 зв. // Картотека); *Жалостнаа матко якими бымѣ та мѣлѣ тѣшиты*

словами, видачи та нещасливѣю межѣ **бѣлыми головами** (Острог, 1603, Лям. Остр., с. 7 // Картотека); а инших **бѣлых голов** и мужчизны о десет чоловѣка ... живых огнем попалили (Житомир, 1618, ЧИОНЛ, XV–3, с. 150–151 // Картотека); дали и позволили есмо ее милости панеи Марши Гулевичовне Адамовои Балабановои в маетности нашои при мисте Четвертии для фондованя манастыря **бѣлымъ головамъ** то ест инокинямъ, которая поднеслася нужно працею и коштомъ своимъ церъков и манастыр фундовати (Луцьк, 1622, АрхЮЗР, I/VI, с. 471 // Картотека); ... в котором [монастыре] не застали есмо, толко одну **белую голову** Тацу, прозвискомъ Безручку (Володимир, 1624, АрхЮЗР, I/VI, с. 537 // Картотека); До(с)талосѣ та(м) **дѣткамъ** и млоде(н)цо(м) учтивымъ **Бѣлы(м) голова(м)** прѣбраны(м) пано(м) ѡсобливы(м) (б. м. н., 1636, Лям. о приг., с. 7 зв. // Картотека); Ачь ти мноґо **бѣлы(х) головъ** было, которѣи мѣжа не оузнали, але една(к) жа(д)нои славы не ѡ(т)несли ѡ(т) дѣства, и(ж) всѣ замѣ(ж) хотѣли, скоро бы и(м) лѣта, албо зако(н) албо родичи ихъ допѣстили (б. м. н., 1645, УЄ № 32, с. 309 зв. – 310 // Картотека); а тута **бѣлая голова**, ни она мужняя жона, ни **бѣлая голова**, удовою будучи, бо и священники за другога мужа ити забораняють и вѣнчати не хочуть (Чернігів, 1648, АкЮЗР III, с. 157 // Картотека); Взала теды Маріамъ пророцица бѣбенъ въ рѣкѣ свою и вышли вси **бѣлыи головы** за нею з бѣбны и з мѣзыкою (б. м. н., серед. XVII ст., Хрон., с. 93 // Картотека).

В. Нимчук считает, что в основе мотивации наименования **бѣлая голова** лежит обычай у женщин носить на голове белые платки и покрывала, и далее, со ссылкой на Е. Тимченко, указывает, что это словосочетание со значением ‘женщина’ фиксируют памятники XV в. [1, с. 30]. Однако в «Словаре староукраинского языка XIV–XV вв.» в словарных статьях **бѣлый, голова** не приведено ни одного примера, который бы удостоверял функционирование этого словосочетания в XV в. Как свидетельствует приведенный выше иллюстративный материал, активным в употреблении фразеологизм становится в XVI–XVII вв. Это подтверждает и Памва Берында, который словосочетание **бѣлая голова** использует в толковой части своего «Лексикона словенороского» (1627): *Повапленіє: натре(н)є, маліова(н)є, рѣманецъ, яко собѣ приправѣют бѣлыи головы, побѣле(н)є* (ЛБ, с. 84).

Е. Тимченко словосочетание **бѣлая голова** фиксирует как устойчивое со значением ‘женщина, невеста’ и приводит богатый иллюстративный материал из разножанровых памятников украинского языка XV–XVIII вв. (Тимч., ІСУЯ, с. 171, 548). Такую же трактовку словосочетания находим и в его «Материалах к словарю письменной и книжной украинского языка XV–XVIII вв.» (Тимч., Матер., II, с. 80, 179).

Ставя под сомнение польское происхождение фразеологизма, В. Нимчук отмечает: «Трудно сказать, идет ли здесь речь о совместном явлении в языках, или о заимствовании из польского языка» [1, с. 302]. Возможно, основанием так считать был ареал распространения фразеологизма на восточнославянских землях, который, по данным лексикографических источников, ограничивается украинской (преимущественно правобережной) и белорусской территориями (ср. ст.-блр. *белая голова* в ГСБМ, 7, с. 35). Лишь изредка фразеологизм засвидетельствован во второй половине XVII в. и на украинском Левобережье, напр.: *Теды она жаднымъ способомъ, а ни до муки, же в кошку несла, а ни ѿ не(р)стнѣ в хатѣ своей лежачого предъ приходомъ тыхъ бѣлыхъ головъ не признаваласе* (ЛРК, с. 69). «Ареальный» факт скорее говорит о польском влиянии (польский язык в XVI–XVII вв. на Правобережье был одним из официальных), нежели о национальных традициях, ведь женщины украинского Левобережья также носили на голове белые платки.

Отметим, что функционирование фразеологизма в XVIII в. исследователи иллюстрируют только контекстом из летописи С. Величко (Тимч., ІСУЯ, с. 171, 548; Тимч., Матер., II, с. 80, 179). Со значением ‘женщина’ продолжает употребляться композит *білоголова*, напр.: *когда бѣлоглова мордує(т)ся з породженіє(мь)* (ЛВП, с. 58). Однако уже лексикографические труды XIX в. позволяют говорить о выходе на периферию лексической системы украинского языка и композита *білоголова* ‘женщина’. Так, *білоголовий* как имя прилагательное регистрирует Е. Желеховский (Желех., I, с. 29), но в статье *голова* среди многих приведенных фразеологизмов с этим существительным словосочетание *біла голова* отсутствует (Желех., I, с. 148). В «Словаре украинского языка» под ред. Б. Гринченко в статье *білоголова*, кроме значения ‘женщина’, сделана отсылка к устойчивому словосочетанию *біла челядь* (Грінч., I, с. 64, 66). Приведенная далее форма прилагательного в форме мужского рода *білоголовий* ‘с русой или седой головой’ (Грінч., I, с. 66) объясняет причину перехода субстантива *білоголова* ‘женщина’ в пассивный фонд, но об этом нет никакой ремарки в современных словарях украинского языка. «Толковый словарь польского языка» словосочетание *biała głowa* ‘женщина’ фиксирует с ремаркой *daw.* (SFJP, I, с. 242).

Таким образом, исследуемый материал свидетельствует о том, что фразеологизм *біла голова* в украинском языке имеет давнюю историю. Носители современного украинского языка используют только реликтовую оболочку, за которой прячется вышедшая на передний план семантика цвета волос. Когда-то первое в семантической структуре фразеологизма значение ‘женщина’ ныне является забытым. Но это до того момента, пока кто-то из писателей не напишет произведения о древних временах, где устойчивое словосочетание в силу своего стилистического потенциала на языковом уровне будет служить маркером эпохи. Проведенное исследование также позволяет сделать вывод, что настоящий лингвист – это, прежде всего, историк языка, потому что только ему под силу погрузиться в глубь времен и дать обоснованный комментарий к тому или иному современному фразеологизму.

Сокращения

Грінч. – Словарь української мови : в 4 т. / за ред. Б. Грінченка. – Київ : Наукова думка, 1996. – Т. 1. – 496 с.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 7. Гледенье – Девичество / склад. Т. І. Блізнюк і інш. ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 303 с.

Желех. – Желехівський, Є. Малорусько-німецький словар / Є. Желехівський. – Львів, 1886. – Т. I. – 598 с.

Картотека – Картотека «Словника української мови XVI – першої половини XVII ст.». Зберігається у відділі української мови Інституту українознавства імені І. Крип'якевича НАН України (м. Львів).

ЛБ – Лексикон словенороський Памви Беринди / підг. тексту і вступна стаття В. В. Німчука. – Київ : Наукова думка, 1961. – 272 с.

ЛГП – Лікарські та господарські порадики XVIII ст. / підг. до вид. В. А. Передрієнко. – Київ : Наукова думка, 1984. – 127 с.

ЛРК – Лохвицька ратушна книга другої половини XVII ст. / підг. до вид. О. М. Маштабей, В. Г. Самійленко, Б. А. Шарпило. – Київ : Наукова думка, 1986. – 221 с.

СУМ XVI–XVII – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. / НАН України. Інститут українознавства імені І. Крип'якевича. – Львів, 1996. – Вип. 3. – 251 с. ; 1999. – Вип. 6. – 255 с.

Тимч., ІСУЯ – Історичний словник українського язика / за ред. Є. Тимченка. – Харків ; Київ, 1930–1932. – Т. 1. – Вип. 1–2. – 947 с.

Тимч., Матер. – Тимченко, Є. Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. : у 2 кн. / Є. Тимченко ; В. В. Німчук (відп. ред.) та ін. – Київ – Нью-Йорк, 2003. – Кн. 1. – 512 с.

SFJP – Skorupka, St. Słownik frazeologiczny języka polskiego / St. Skorupka. – Warszawa, 1974. – Т. 1. – А/Р. – 788 s.

SP – Słownik polszczyzny XVI wieku. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk : IBL, 1973. – Т. VII. – 543 s.

Литература

1 Німчук, В. В. Давньоруська спадщина в лексиці української мови / В. В. Німчук. – Київ : Наукова думка, 1992. – 416 с.

2 Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко ; под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. – М. : Русский язык, 1990. – 220 с.